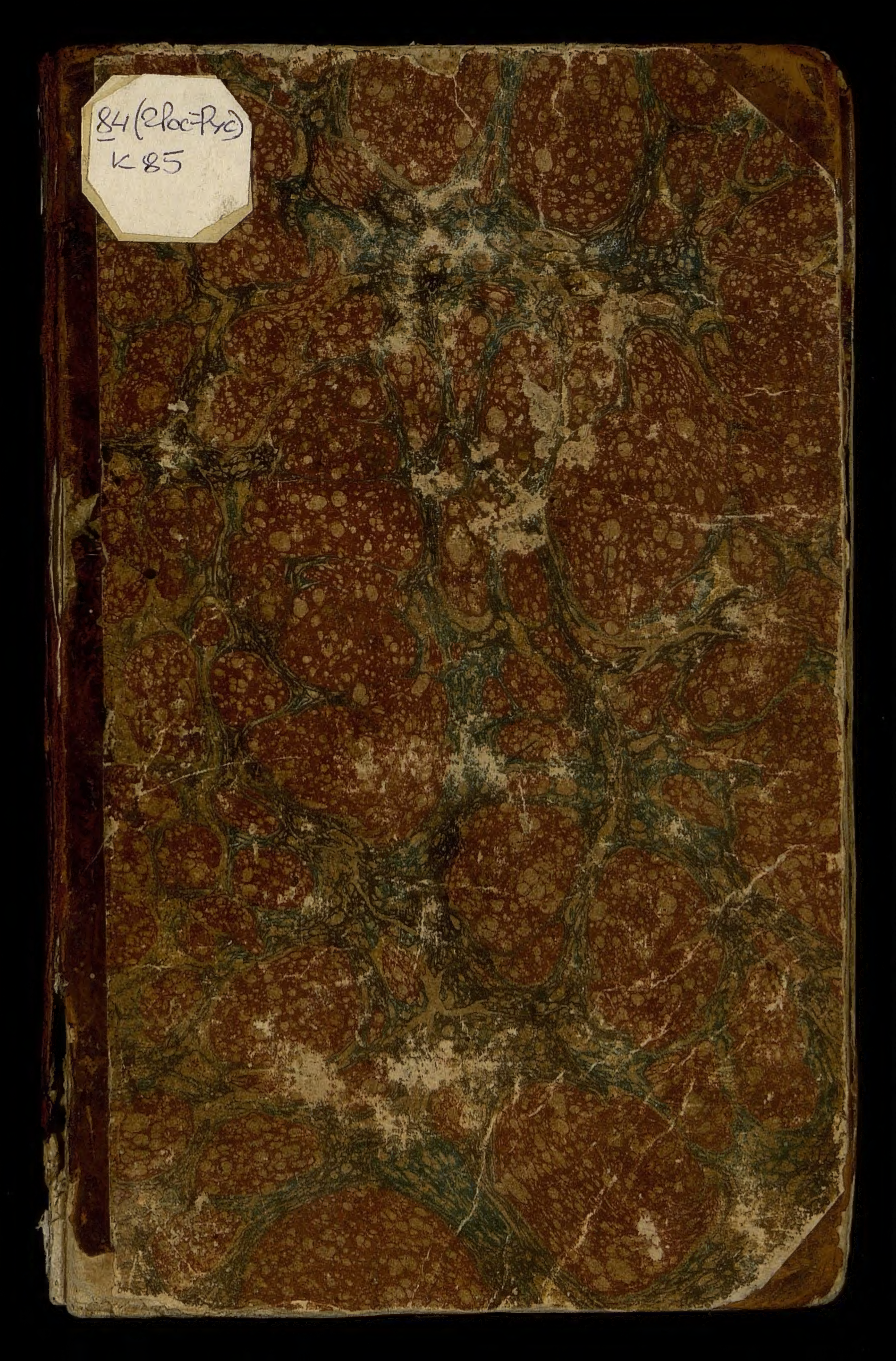
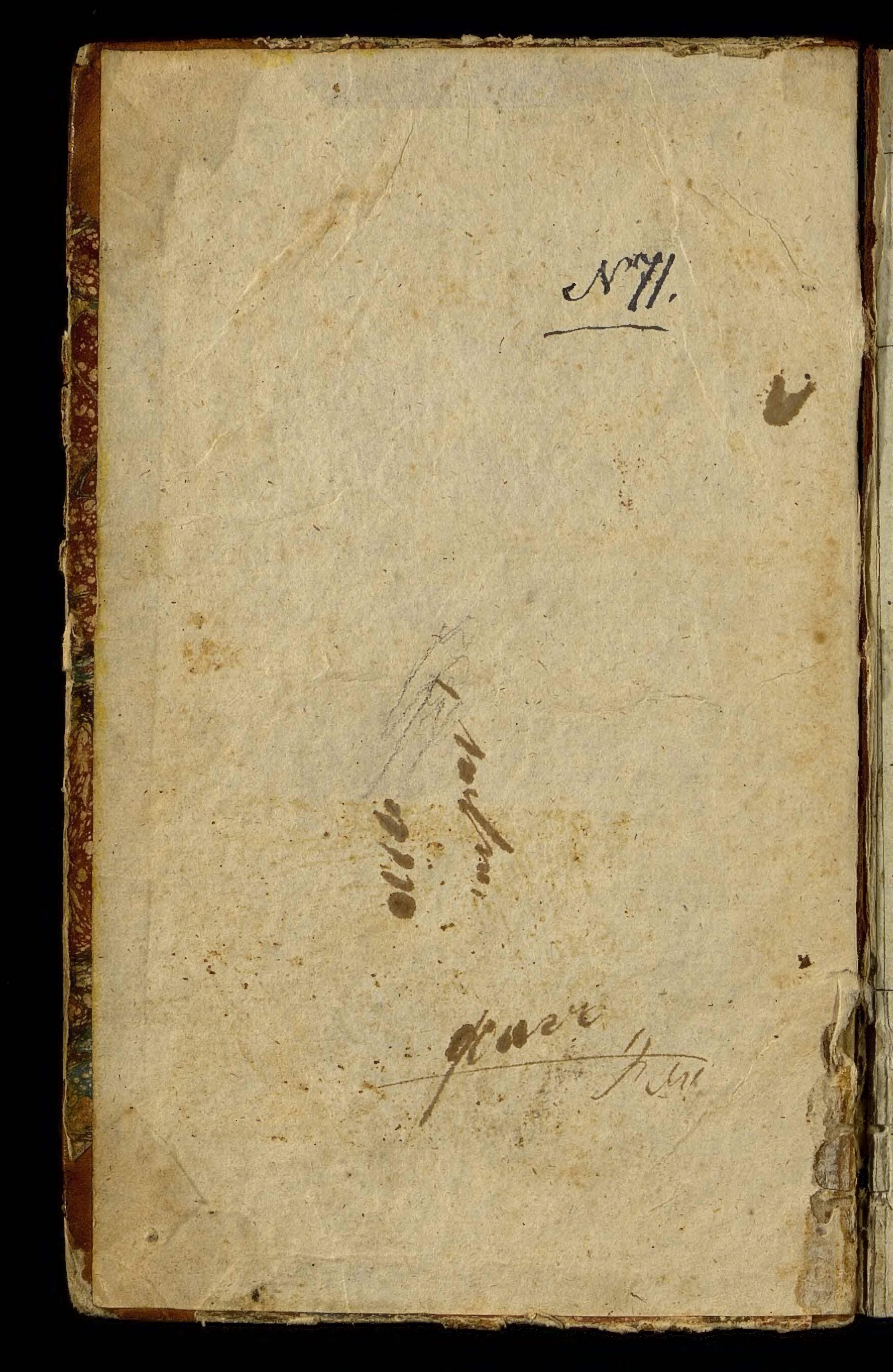

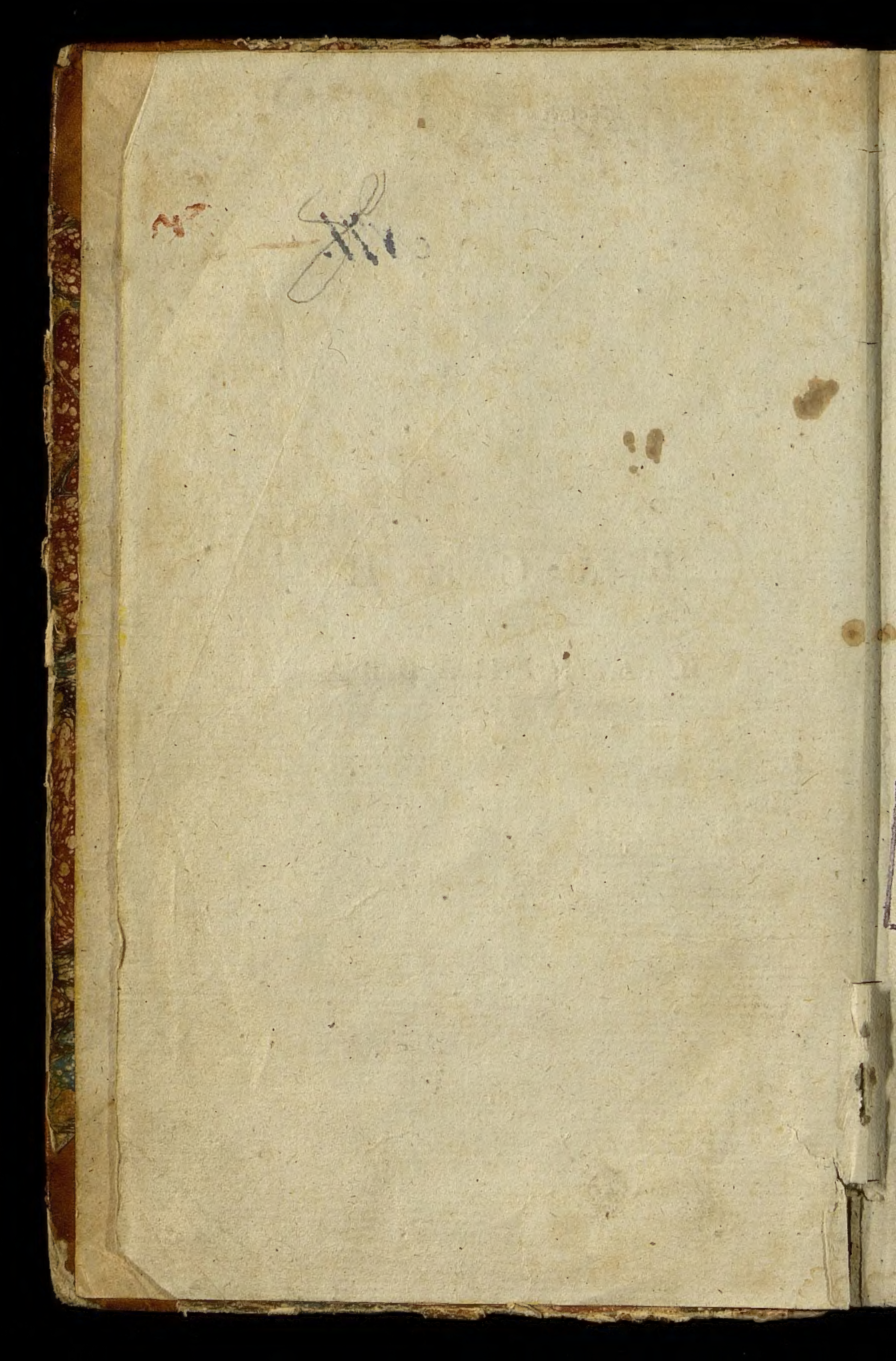

N° 71.

Эта книга стоит 3 [illegible]

№71.

БАСНИ

И. А. РЫЛОВА.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

…СТЬ ПЕРВАЯ.

Иждивеніемъ Содержателя театральной типографіи Александра Похорскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Императорскаго театра,
1819.

НОВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства народнаго просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Октября 8 дня, 1818 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Ив. Тимковской.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

БАСНИ.

I.

ВОРОНА и ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не
въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отъищетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужь собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ;
Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ несводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Расказывать, такъ право сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельской быть долженъ голосокъ.
Спой, свѣтикъ, не стыдись. — Что, ежели, се-
стрица,

При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь тыбъ у насъ была царь птица!
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло;
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло;
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

II.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Тростинкѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать честь,
С ней разговоръ завесть.
Какъ мало о тебѣ заботится природа!
Онъ началъ, вѣдь тебѣ овсянка ужь тяжка;
Чуть мѣлкой рябью лишь погода
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо!...
Тогда, какъ я — чело подъемля горделиво,
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь,
Спокойно вѣтьви вкругъ мои разпространяю;
Отъ солнца цѣлыя долины заслоняю,
И посмѣваяся порывамъ злѣйшихъ бурь,
Какъ будтобъ огражденъ ненарушимымъ мiромъ,
Ни вихремъ, ни грозой, стою неколебимъ.
Какъ разенъ жребiй мой съ твоимъ!
Тебѣ все бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.

Хотябъ ужъ ты въ окружности росла
Моею тѣнію покрытой,
То былъ бы я тебѣ защитой;
Но васъ природа развела
По тинистымъ брегамъ Эолова владѣнья.
Конечно въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья.—
Ты очень жалостливъ, сказала Трость въ отвѣтъ;
Однако не крушись, мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь;
А ты хотя еще не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы бурь ужасны,
И всѣ усилья ихъ погнуть тебя напрасны;
Но подождемъ конца.—
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, ревущій Аквилонъ.
Уперся Дубъ; къ землѣ Тростиночка припала;
Бушуетъ вѣтръ — всѣ силы собралъ онъ,
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался,
И въ области тѣней пятою упирался.

---

*

III.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы, кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало
И закружилась голова.
Помилуй ты меня, сказалъ онъ съ удивленьемъ,
Чѣмъ любоваться тутъ? твой хоръ
Горланитъ вздоръ.
То правда, отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ,
Они немножечко дерутъ,
За то ужь въ ротъ хмѣльнова не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.

А я скажу: по мнѣ ужь лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

IV.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два Голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужь вѣрно тамъ;
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.
Ну кажется, кудабъ хотѣть
Или отъ милой иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ
летѣть,
Диковинки земнова круга
Судить и видѣть самъ собой;
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ
молвой.
Во снѣ и на яву онъ путь лишь видитъ свой,
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта розинуть.—
Куда ты? говоритъ сквозь слезъ ему другой;
Иль друга хочешь ты покинуть?
Безсовѣстной! когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы
ужасны,
И все, чѣмъ странствія опасны;
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужь я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь же кормъ и скуденъ такъ и малъ;
Да чу! и воронъ прокричалъ;
Вѣдь это вѣрно къ худу,
Останься дома, милой мой!

Ну намъ вѣдь весело съ тобой;
Кудажъ еще тебѣ летѣть — не разумѣю?
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки, да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ.
Все стану надъ тобой бояться я несчастья.
Чуть тучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ не-
настья? —
Растрогала рѣчь эта Голубка;
Жаль братца, да летѣть охота велика;
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.
Не плачь, мой милой! такъ онъ друга утѣшаетъ;
Я на три дни съ тобой не больше разлучусь;
Все наскоро въ пути замѣчу — на полетѣ,
И осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь,
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко!
Я вспомню каждой часъ и каждое мѣстечко:
Все разскажу: дѣлаль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво!
Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будтобъ самъ леталъ ты по свѣту со мной!
Тутъ (дѣлать нечего) друзья поцѣловались,
Простились и разстались. —
Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ встрѣчу
дождь и громъ;
Подъ нимъ какъ Океанъ синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? — Къ счастію засохшій дубъ попался;
Кой какъ угнѣздился, прижался
Къ нему нашъ голубокъ;

Но ни отъ вѣтра онъ укрыться тутъ не могъ,
Ни отъ дождя спастись; весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ по малу громъ — чуть солнце просіяло,
Желанье подзывать бѣдняжку далѣ стало.
Встрехнулся и летитъ, летитъ и видитъ онъ
Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился, — въ сѣти тутъ попалась наша
птичка.
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется;
По счастью сѣть стара; кой какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ;
Но не до нихъ, онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ пуще той бѣды, бѣда надъ головой!
Отколь ни взялся ястребъ злой.
Не взвидѣлъ свѣта Голубь мой;
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ! силы въ коротко совсѣмъ истощены.
Ужь когти хищные надъ нимъ распущены,
Ужь холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ
пашетъ....
Тогда орелъ съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой,
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межь тѣмъ нашъ Голубь милой,
Въ низъ камнемъ ринувшись, прижался подъ
плетнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ черепкомъ намѣтя въ Голубка
(Сей возрастъ жалости не знаетъ),
Швырнулъ — и раскроилъ високъ у бѣдняка.

Тогда-то странникъ нашъ съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.
Счастливъ еще! — его тамъ дружба ожидаетъ.
Къ отрадѣ онъ своей
Услугу, лекаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О вы! которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желанiемъ горите,
Вы эту басенку прочтите
И въ дальной путь такой пускайтеся не вдругъ.
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше,
Но вѣрьте, той земли не сыщите вы краше,
Гдѣ ваша милая иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

V.

ЛЯГУШКА и ВОЛЪ.

Лягушка на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
Смотри-ка, Квакушка, что, будуль я съ него?
Подругѣ говоритъ. — Нѣтъ, кумушка, далеко.—
Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?

Пополнилась ли я? — Почти что ничего. —
Ну, какъ теперь? — Все тожъ. — Пыхтѣла, да
пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ;
И диво ли? когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитой гражданинъ,
А сошка мѣлкая — какъ знатной дворянинъ.

VI.

ВОРОНА и КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь
Противу дерзости искуствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители, и малой и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиной рой. —
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ. —
А ты чтожъ, кумушка, въ дорогу?
Ей съ возу Курица кричитъ;
Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ. —

Мнѣ что до этова за дѣло!
Вѣщунья ей въ отвѣтъ; я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь Воронъ ни жарятъ, ни варятъ,
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;
А можетъ быть еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь.
Прощай, хохлаточка, — счастливой путь. —
Ворона подлинно осталась;
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленской сталъ гостей,
Она сама — къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься;
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься,
Попался какъ Ворона въ супъ.

VII.

ЛАРЧИКЪ,

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза метался;
Ну всякой ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть, — да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ изъ подтишка;
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою,
Въ механикѣ и я чего нибудь да стою. —
Вотъ за ларецъ принялся онъ,
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ:
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ,
Тутъ глядя на него иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межь собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
Не тутъ, не такъ, не тамъ. — Механикъ пуще рвется.

Пошѣлъ, пошѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, ни какъ не догадался;
А ларчикъ просто открывался.

VIII.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѣйшій бичь небесъ, природы ужасъ — моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. — Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настижъ двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
На часъ по тысячи валится ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Себѣ тогожь боясь, чуть бродятъ полумертвы.
Тѣжъ звѣри, да не тѣ въ великихъ тѣхъ бѣдахъ.
Не давитъ волкъ овецъ и смиренъ какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ лиса, постится въ подземельѣ;
И пища имъ на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь въ розь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужь веселье! —
Въ сей крайности совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души;

Сбрелись, и въ тишинѣ царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши. —
О други! началъ Левъ, по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Дозволитъ принести себя на жертву имъ.
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры.
И такъ, собравши духъ,
Пусть изповѣдуетъ здѣсь всякой въ слухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь, хоть это мнѣ и больно,
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ, за что? совсѣмъ безвинно,
Диралъ безчинно;
А иногда, кто безъ грѣха,
Случалось, дралъ и пастуха;
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучшебъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи; на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть:
И было бы богамъ то болѣе угодно. —
О царь нашъ, доброй царь! отъ лишней доброты,
Лисица говоритъ, въ грѣхъ это ставишь ты.

Къ чему щадить овецъ? — Я думаю безъ лести,
И вѣрно всѣ согласны здѣсь со мной,
Для твари глупенькой такой,
Царю по вкусу быть чрезмѣрно много чести.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ,
Ихъ чаще такъ учить — имъ это по дѣломъ.
Безхвостой этотъ родъ лишь глупой спесью
дышетъ
И нашими себя вездѣ царями пишетъ. —
Окончила Лиса; за ней, на тотъ же ладъ,
Льстецы Льву тоже говорятъ;
И всякой доказать спѣшитъ на перехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья.
За Львомъ Медвѣдь и Тигръ, и Волки въ свой
чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ;
И всѣ, кто былъ зубкомъ иль ноготкомъ богаты,
Тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мы-
читъ: и мы
Грѣшны; тому давно, когда зимой кормы
Намъ были худы, —
На грѣхъ меня лукавой натолкнулъ, —
Ни гдѣ себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стогу у попа я клокъ сѣнца стянулъ. —
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ Медвѣди, Тигры, Волки:

Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть! — Ну диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги? —
Его безчинника съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть и нравы отъ заразы.
По немъ у насъ и моръ такой. —
Приговорили,
И на костеръ Вола взвалили.

И въ людяхъ также, говорятъ,
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

IX.

ПѢТУХЪ и ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ: куда оно
Какая вещь пустая!
Не глуполь, что его высоко такъ цѣнятъ;
А я бы право былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному; оно не столь хоть видно,
Да сытно.

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

X.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста дѣвушка смышляла жениха.
Тутъ нѣтъ еще грѣха;
Да вотъ что грѣхъ: она была спѣсива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ,
(Красавица была немножко прихотлива),
Ну, чтобы все имѣлъ. Ктожъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ:
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ!
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль, карманы пусты!
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ едакъ, тамъ не такъ;
Ну, не придетъ никто по мысли ей ни какъ. —
Посмолкли женихи, — годка два перепали,
Другіе новыхъ свахъ заслали,
Да только женихи середней ужь руки.
Какіе простаки!
Твердитъ красавица, по нихъ ли я невѣста!
Ну, право ихъ затѣи не у мѣста. —

И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойдуль я за кого изъ этихъ чудаковъ,
Какъ будтобъ я себя замужствомъ торопила!
Мнѣ жизнь дѣвическа ни чуть не тяжела:
День весела — и ночь я право сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ни чуть мнѣ не пристойно.
Толпа и эта уплыла.
Потомъ отказы слыша тѣже;
Ужь стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ
Ни кто нейдетъ.
Еще минулъ годокъ, — еще уплылъ годъ цѣлой;
Къ ней свахъ ни кто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужь стала дѣвой зрѣлой;
Зачнетъ считать своихъ подругъ —
(А ей считать большой досугъ),
Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь — зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ живости въ глазахъ,
Умильны ямочки пропали на щекахъ,
Улыбки, рѣзвости, какъ будто ускользнули,—
Тамъ волоска два три сѣдые проглянули.
Бѣда со всѣхъ сторонъ.
Бывало безъ нее собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно;
А нынѣ? — ахъ! ее зовутъ ужь на бостонъ.

Вотъ тутъ спѣсивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться;
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ. —
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла;
И рада, рада ужь была,
Что вышла за калѣку.

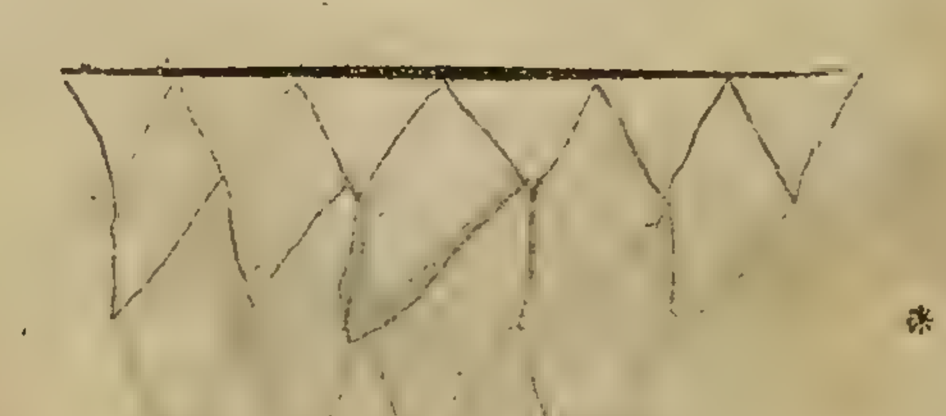
XI.

ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ;
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ.
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркой день зашелъ къ ручью напиться;
И надо же бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодной рыскалъ Волкъ.
Ягненка видитъ онъ, — на добычу стремится;
Но дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое

Съ пескомъ и съ иломъ!
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву. —
Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему ни какъ я не могу. —
По этому я лгу?
Бездѣльникъ! слыханаль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ.
Я этова, приятель, не забылъ. —
Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,
Ягненокъ говоритъ. — Такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ кто нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи. —
Ахъ! я чѣмъ виноватъ? — Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужь тѣмъ, что хочется мнѣ кушать. —
Сказалъ, и въ темной лѣсъ Ягненка поволокъ.

XII.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ,
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали.
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъ Ословъ,
Ослы, не знаю, какъ-то знали,
Что прежде Музы тутъ живали,
И говорятъ: не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ.
Знать Музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.
Смотрите же, кричитъ одинъ, не унывай;
Я затяну, а вы не отставай.
Друзья! робѣть не надо;
Вы видите, насъ цѣлое здѣсь стадо;
То какъ не замѣнить намъ девяти сестеръ.
Подымемъ музыку, составимъ свой мы хоръ;
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ Ослинова пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ.
Одобрили Ослы Ослово
Красно-хитро-сплетенно слово,
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазаныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется, невѣжамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

XIII.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся
И слабова обидѣть не моги:
Мстятъ сильно иногда безсильные враги;
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся.
Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно Левъ за спесь наказанъ Комаромъ;
Вотъ что я слышалъ стороною.
Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ.
Зло взяло Комара; обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачь, пищитъ во всю гортань
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ;
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ;
И мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на Льва пустился,
И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.

Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не трусить:
Льву сѣлъ на самый лобъ и Львину кровь сосетъ.
Левъ голову крутитъ, Левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ;
То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укуситъ,
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ,
Деретъ сыру землю когтями онъ и зубомъ.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ;
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей, все кроется, бѣжитъ;
Отъ коль у всѣхъ взялися ноги,
Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ —
И ктожъ? Комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги,
Рвался, метался Левъ, и выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ,
Насытилъ злость Комаръ, — Льва жалуетъ онъ миромъ,
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ,

XIV.

ОРАКУЛЪ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,
И мудрые давать совѣты.
За то отъ головы до ногъ
Обвѣшенъ и сребромъ и златомъ;
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ;
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,
И фиміамомъ задушенъ.
Въ Оракула всѣ вѣрятъ слѣпо;
Какъ вдругъ, о чудо! о позоръ!
Заговорилъ Оракулъ вздоръ;
Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо,
И кто къ нему за чемъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ что молвитъ, то совретъ;
Ну такъ, что всякой дивовался,
Куда пророческой въ немъ даръ дѣвался?
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
И такъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не путалъ вракъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ болваномъ.

Я слышалъ, правдаль, будто въ старь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

XV.

РОЩА и ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонекъ подъ Рощей тлился;
Какъ видно тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ, огонь мой чуть горитъ,
И видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
Скажи мнѣ, Роща дорогая,
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая? —
За тѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу,
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
Все это ничего, Огонь ей продолжаетъ,
Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ.
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ иль зрѣетъ;
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало;
Однако же сказать я не запнусь,

Что я въ могуществѣ и съ солнцемъ потянусь.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
И такъ, когда зимою
Ты хочешь зеленѣть, какъ лѣтомъ и весною,
Такъ только у себя мнѣ дай ты уголокъ.
Вотъ дѣло слажено, — ужь въ Рощѣ Огонекъ
Становится Огнемъ, — Огонь не дремлетъ;
Бѣжитъ по вѣтьвямъ, по сучкамъ,
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вкругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ; и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И не чему дивиться,
Какъ дереву съ огнемъ дружиться!

XVI.

ЛЯГУШКИ ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало не угодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ Царя они просить.
Хоть слушать всякой вздоръ богамъ бы и не
сродно,

На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ;
Далъ имъ Царя, — Летитъ къ нимъ съ шумомъ
Царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ трепнулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ Царю по кельямъ дивовались.
И подлинно что Царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ,
Дородствомъ, ростомъ великанъ;
Ну посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ Царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ ни кто;
Со страхомъ на него глядятъ они, — и то
Украдкой, изъ дали, сквозь аиръ и осоку;
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которомубъ не приглядѣлся свѣтъ,
То и они сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ Царю подползть съ преданностью
дерзнули.
Сперва передъ Царемъ ничкомъ;
А тамъ кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему
бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которые еще поудалѣй,
Къ Царю садятся ужь и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.

Не много погодя посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочетъ.
Въ три дни наскучило съ такимъ Царемъ житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно Царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инова нрава:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ, а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ ни кого.
За то ужь у него
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ Лягушкахъ каждый день великой недочотъ.
Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежняго и кваканье и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ Царя инова,
Что нынѣшній ихъ Царь глотаетъ ихъ какъ мухъ;
Что даже имъ не льзя, какъ это не ужасно!
Ни носу выставить, ни квакнуть безопасно;
Что наконецъ ихъ Царь тошнѣе имъ засухъ.
Почтожъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣль, безумные! вѣщалъ имъ съ неба гласъ,
Покою не было отъ васъ?

Не вы ли о Царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ Царь, такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ —
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ.
Другой вамъ данъ, такъ этотъ очень лихъ.
Живитежъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже.

XVII.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Какой-то старичокъ развесть задумалъ садъ.
Пускай бы строиться, да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужь вонъ глядишь изъ свѣта?
Какой тутъ складъ!
Ну право дожилъ ты старинушка до дѣтства!
Не двѣстижъ лѣтъ въ твоемъ написаны вѣку.
Такъ говорили Старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства,
Смѣясь его трудамъ.
Признайся самъ,
Что эти замыслы не по твоимъ годамъ.
А лучше бы тебѣ молиться дома Богу;
Объ отпускѣ грѣховъ своихъ,
Да собираться бы въ могилу по немногу;
А мѣстобъ здѣсь свое очистить для другихъ.
Ну что тебѣ охоты
Черезъ полвѣка ждать успѣха отъ работы?

Оставь ужь молодымъ такія ты заботы.
Намъ можно позволять
Себя столь дальною надеждою ласкать;
А въ старости глубокой, хилой,
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой.—
Друзья! смиренно имъ отвѣтствуетъ Старикъ,
Къ трудамъ изъ дѣтства я привыкъ;
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю;
То признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣй я берусь.
Чему же вамъ дивиться?
Садъ этотъ разводя и тѣмъ я веселюсь,
Что если тѣни сихъ деревьевъ не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда ихъ тѣнью прохладится.
Да можноль и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ! въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей, я провожалъ въ могилу.
Кто знаетъ, можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ.—
Какъ имъ сказалъ Старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило;
Надежду и пловца, все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,

За роскошь, нѣгу и за страсти
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ,
А третій въ жаркой день холоднаго изпилъ
И слегъ; — его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залечили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый Старичокъ оплакалъ всѣхъ тро-
ихъ.

XVIII.

ОРЕЛЪ и КУРЫ.

Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью Царь пернатый птицъ леталъ,
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молнія родится.
Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для Орла насѣстокъ не завидной;
Но у Царей свои причуды есть;
Быть можетъ онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было въ близи ему по чину сѣсть
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю что за мысль, но только что Орелъ
Не много посидѣлъ,
И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то хохлатая Насѣдка,
Толкуетъ такъ съ своей кумой:

За что Орлы въ чести такой?
Не ужь ли за полетъ, голубушка сосѣдка?
Ну право если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же въ передъ такія дуры,
Чтобъ почитать Орловъ честнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;
Да ты же видѣла сей часъ,
Что по низу они летаютъ такъ какъ куры.
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
Ты права, только не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже Куръ спускаться;
Но Курамъ никогда съ Орлами не подняться!

Когда поэтовъ судишь ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

XIX.

МУХА и ДОРОЖНЫЕ.

Въ Іюлѣ, въ самой зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слезаетъ съ козелъ онъ,

И лошадей мучитель
Съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ;
А легче нѣтъ! — Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель;
Но знать рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади хотя его тронули,
Но въ гору по песку едва едва тянули;
Случись тутъ Мухѣ быть. — Какъ горю не помочь?
Вступилась; ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится;
То надъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной;
То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится;
Или оставя лошадей
И въ доль и поперегъ шныряетъ межь людей;
Ну словно откупщикъ на ярманкѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, ни кто,
Ни какъ помочь не хочетъ:
Гуторя слуги вздоръ, плетутся въ слѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ,
Самъ баринъ, позабывъ какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ грибовъ искать на ужинъ;
И Муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межь тѣмъ лошадушки шагъ за шагъ по немногу
Встащилися на ровную дорогу.

Ну! Муха говоритъ, теперя слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ и добрый всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужь дайте отдохнуть;
Меня на силу крылья носятъ.

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть —
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

XX.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать
И Боже сохрани какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто Обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много Обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтьвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:

Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ право нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ;
Ужь мы ль на все не мастерицы!
А этаго у насъ искуства не видать.
Красавицы сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ.... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ и сѣти тутъ оставилъ.
Чтожъ, говорятъ онѣ, и время намъ терять!
Пойдемъ-ка попытаться.
Красавицы сошли. — Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей;
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться и завиваться;
Кричатъ, визжатъ, веселье хоть куда.
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться.
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ чтобъ на утекъ,
Да ужь никто разпутаться не могъ
И всѣхъ ихъ побрали руками.

XXI.

ПУСТЫННИКЪ и МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливой дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродной, одинакой,
Въ дали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой.
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужекъ? а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?
Прекрасны! что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить
слова.
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ Волковъ или Медвѣдей.
И точно встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ
онъ;
Но дѣлать нечего, снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,

Потомъ не могутъ ужь разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишиньки тошнится,
И Мишинькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркой побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ Медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишинька усталъ,
И отставать отъ друга сталъ.
То видя говоритъ, какъ путной, Мишка другу:
Прилягъ-ко братъ и отдохни,
Да коли хочешь такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.
Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла.
Онъ друга обмахнулъ,
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,

И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишинька, не говоря ни слова,
Увѣсистой булыжникъ въ лапы сгрёбъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчижъ! ужь я тебя воструху!
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ.
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ въ розь раздался,
И Мишинъ другъ лежать на долго тамъ остался.

XXII.

СТРЕКОЗА и МУРАВЕЙ.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле,
Нѣтъ ужь дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло! съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужь не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодной

Злой тоской удручена
Къ Муравью ползетъ она.
Не оставь меня, кумъ милой,
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй. —
Кумушка, мнѣ странно это;
Да работалаль ты въ лѣто?
Говоритъ ей Муравей. —
До тоголь голубчикъ было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ;
Такъ что голову вскружило. —
А! такъ ты? — Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла. —
Ты все пѣла? это дѣло
Такъ поди же попляши.

XXIII.

КВАРТЕТЪ.

Проказница Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапой Мишка,
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрыпки,
И сѣли на лужекъ подъ липки
Плѣнять своимъ искуствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
Стой, братцы, стой! кричитъ Мартышка, погодите;
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ Мишинька, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужь музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы.
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ все таки на ладъ нейдетъ.
Постойтежъ, я сыскалъ секретъ,
Кричитъ Оселъ: мы вѣрно ужь поладимъ,
Коль рядомъ сядимъ.
Послушались Осла, усѣлись чинно въ рядъ;
А все квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.

Тутъ съ просбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣ-
шить сомнѣнье.
Пожалуй, говорятъ, возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть,
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть? —
Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ по нѣжнѣй,
Имъ отвѣчаетъ Соловей;
А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.

Конецъ первой части.